

Г. В. ГЛИНСКИХ
Свердловск

РУССКАЯ АДАПТАЦИЯ МАНСИЙСКИХ СУБСТРАТНЫХ ТОПОНИМОВ В БАССЕЙНЕ р. ТАВДЫ

В данной статье, которая является продолжением публикаций автора¹, посвященных изучению мансийской субстратной топонимии², рассматривается адаптация мансийских согласных и безударный вокализм³ топонимов, а также затрагиваются вопросы морфологического и семантического освоения русскими мансийских географических названий. Территория исследования охватывает бассейн р. Тавды, за исключением верховьев Лозьвы и Пелыма, где функционирует живая мансийская топонимия.

Изучение закономерностей адаптации необходимо при этимологическом изучении любых иноязычных слов, функционирующих в том или ином языке. Особенно важно знание этих закономерностей при этимологической интерпретации заимствованной ономастической лексики, так как в этом случае семантический критерий действует более ограниченно, в связи с чем возрастает значение данных, полученных в результате формальных сопоставлений⁴. Как отмечал А. П. Дульзон, «восстановление первоначальной

¹ См.: Г. В. Глинских. Мансийские географические термины в самостоятельном топонимическом употреблении (на материале Среднего и Нижнего Припелыма).— В сб.: Вопросы топонимстики, вып. 4. Свердловск, 1970; *Он же*. Русская топонимика мансийского происхождения на территории среднего и нижнего Припелыма.— В сб.: Вопросы топонимстики, вып. 5. Свердловск, 1971; *Он же*. К интерпретации семантических соответствий в разноязычной по происхождению топонимике одной территории.— В сб.: Вопросы топонимстики, вып. 6. Свердловск, 1972.

² Не отказываясь от положений, сформулированных А. К. Матвеевым в статье «Тезисы о топонимистике» (Вопросы ономастики, № 7. Свердловск, 1974, с. 12), редколлегия, однако, считает необходимым учесть сложившуюся к настоящему времени во многих отечественных и зарубежных работах по ономастике традицию обозначать предмет исследования терминами *топонимия* (географические названия), *антропонимия* (личные имена людей) и т. д. и использовать эти обозначения вместо употреблявшихся в предыдущих сборниках терминов *топонимика*, *антропонимика*, *астронимика* и т. д. наряду с терминами *топонимистика*, *антропонимистика* и т. д. для обозначения наук, занимающихся изучением соответствующих разрядов собственных имен.

³ Вокализм ударного слога предполагается рассмотреть в специальной статье.

⁴ См.: А. К. Матвеев. Дофинно-угорская гипотеза и некоторые вопросы методики топонимических исследований.— СФУ, 1967, № 2, с. 142.

формы топонима иноязычного происхождения немисливо без учета тех изменений в форме, которые могут наступить благодаря адаптации»⁵.

Следует отметить, что некоторые вопросы, связанные с адаптацией мансийских топонимов русским языком, были затронуты в статьях Г. И. Олесовой (Ол. 37) и Г. П. Вуоно (СХТМП 105—107; ОТМТ 117; АМТРА 185—188; МТП 111—112). Недостатком этих работ является фрагментарность при рассмотрении вопросов адаптации. Указывая на закономерности, существующие при усвоении русскими отдельных мансийских звуков, исследователи не рассматривают всю систему рефлексов в плане соответствия определенным звукам языка-источника. Между тем при этимологизации субстратных топонимов необходимо знание всей системы рефлексов, так как лишь на этом основании возможно восстановление первоначальной формы названий. Нельзя считать до конца разработанной и адаптацию тех звуков, которые рассматривались Г. И. Олесовой и Г. П. Вуоно, так как соответствия часто указываются ими лишь для некоторых позиций (например, соответствие мансийскому η рассматривается только для позиции в конце слова.—Ол. 37; ОТМТ 117; АМТРА 187). Кроме того, некоторые соответствия, установленные Г. П. Вуоно, явно ошибочны (например, манс. $\omega \sim$ русск. \dot{y} .—МТП 111). Почти совсем не рассматривались на материале русской топонимии мансийского происхождения вопросы морфологического освоения.

В связи с этим подробное рассмотрение вопросов адаптации мансийских топонимов русским языком представляется совершенно необходимым. Следует отметить, что на материале нарицательных заимствований адаптация русским языком мансийских слов на исследуемой территории рассматривалась А. К. Матвеевым (ФУЗ 85—93).

Адаптация согласных

Прежде чем перейти непосредственно к установлению отдельных соответствий, необходимо указать на некоторые общие явления, характерные для усвоения русскими мансийских согласных.

Озвончение

Несмотря на то, что в мансийском языке нет фонем b, d, g, z (за исключением недавних русских заимствований⁶), в русской топонимии мансийского происхождения звуки b, d, g, z могут иметь место в соответствии с мансийскими $p (\sim b), t (\sim d)$,

⁵ А. П. Дульзон. Вопросы этимологического анализа русских топонимов субстратного происхождения.—ВЯ, 1959, № 4, с. 38.

⁶ См.: Е. И. Ромбандеева. Мансийский язык.—В кн.: Языки народов СССР, т. 3. М., 1966, с. 345.

к, х (~г), s (~з). Передача указанных мансийских звуков русскими звонкими встречается, как отмечают Г. И. Олесева (Ол. 37) и Г. П. Вуоно (АМТРЯ. 187), в соседстве с сонорными и в интервокальном положении⁷: Ибья (~манс. *йипыг* «филин»+я «река»), Лёнгурай (~манс. *лёнгх* «дорога»+урай «старика»), Пандросья (~манс. *пант* «плоский»+рось «песчаный берег»+я) и др. Иногда озвончение встречается и в анлауте: Бут (~манс. *пут* «котел»).

Однако Г. П. Вуоно не совсем прав, относя причину этого явления целиком к русской передаче (АМТРЯ. 187). В русском языке в этом положении согласные обычно не озвончаются, что вполне естественно, так как оппозиция по глухости — звонкости здесь является фонематической (ср. запить — забить, запор — забор, попать — побрать и др.). Условия для позиционного озвончения на русской почве также отсутствуют (ср. Тумба — лампа, компот; Ибья — копьё и т. д.). Таким образом, предпосылки для передачи мансийских глухих согласных русскими звонкими следует искать в языке-источнике.

Отсутствие фонематической оппозиции по глухости — звонкости в мансийском языке ведет к тому, что глухие согласные могут произноситься с довольно значительным участием голоса, в результате чего появляются так называемые медиальные звуки (*B, D, G, Z*), т. е. такие, которые еще не являются чисто звонкими, но уже и не чисто глухие, ср. примеры, записанные от верхнелозьвинских манси (картотека СТЭ): *kolBal* 'шалаш' (*kolpal*), *Buri* 'кусаёт' (*puri*), *Buŋk* 'голова' (*puŋk*), *juvDar* 'корень дерева' (*juv-tar*), *xoZa* 'длинный, далекий' (*xosa*) и др. Ср. также тавд. (СТЭ) *jonDup* 'иголка' (*iontup*), *juGa* 'старуха, бабушка' (*juka*) и др.

Медиальные звуки при русском усвоении могли быть восприняты как звонкие. В том случае, если глухой согласный находился между гласными или между гласным и сонорным, явление медиализации должно было проявляться значительно сильнее и чаще, поскольку соседние звуки могут оказывать ассимилирующее воздействие на глухой консонант. Вместе с тем сила ассимилирующего воздействия, очевидно, далеко не всегда была достаточной для возникновения медиального звука, и поэтому мансийские глухие согласные чаще все же воспринимаются в русском языке как соответствующие глухие. Передача глухого согласного русским звонким в интервокальном положении, а также между гласным и сонорным существует как тенденция, в целом довольно ограниченно проявляющаяся в массе русских топонимов мансийского происхождения.

Однако вряд ли было бы правильно во всех случаях связывать явление отражения мансийских глухих звуков русскими звонкими с наличием медиальных согласных в языке-источнике. Фонетическое

⁷ Для передачи мансийских слов в статье используется обычная мансийская графика, созданная на базе русского алфавита. Исключение составляют случаи, когда приводятся данные словарей или речь идет о звуках, имеющих значительное отличие от русских.

тические нормы русского языка могут иногда способствовать появлению звонких на месте глухих в позициях нейтрализации. Как известно, шумные согласные на конце слова и перед глухими в русском языке нейтрализуются в отношении глухости — звонкости, и поэтому, например, в словах *столб* [столп] и *столп* [столп] конечный согласный звучит одинаково. Думается, что появление звонких шумных согласных на конце слова и перед глухими в некоторых субстратных топонимах, извлеченных из письменных источников (Абсиша, ср. манс. *апси* «младший брат», *шош/сос* «ручей»), вызвано тем, что русские, стремясь «восстановить» «прежнее» качество согласного, пишут звонкий согласный. Заметим, что в заимствованной из мансийского языка нарицательной лексике также встречается озвончение, связанное с этим явлением: ср. *киж*, функционирующее наряду с *киш* в Гаринском районе и обозначающее «обруч из черемухи или березы» (манс. сев. *кис*) (см. ФУЗ. 61).

Кроме того, передача мансийских глухих согласных русскими звонкими может быть связана и с общей тенденцией к озвончению глухого согласного между гласными, наблюдающейся во многих языках⁸. Наконец, в отдельных случаях весьма вероятно воздействие народной этимологии, ср. Воробина (~манс. *ворап* «кедровка», ср. русск. воробей или русск. диал. *вороба*, *воробы* «мотовило»⁹), Небошош (~манс. *няп* «лосёнок», ср. русск. небо).

Смягчение твердых согласных

Мансийские твердые согласные в положении перед гласными переднего ряда и *j* передаются русскими мягкими согласными: Пешчѐш (~манс. *пэс* «старый», *сос/шош* «ручей»), Татьяна (~манс. тавд. *тат* «кедр»), Енья (~манс. пел. *йэныг* «большой»), Воря (~манс. *вор* «лес») и др.

Рассмотрим адаптацию мансийских согласных, опираясь на фонематическую систему современного мансийского литературного языка, в основу которого положены северные диалекты.

Манс *п*. В начале слова манс. *п* весьма последовательно отражается русскими как *п* (перед гласными переднего ряда и *j* — *п'*): Парт (~манс. *парт* «доска»), Пешчѐш (~манс. *пэс* «старый»), Посол (~манс. *посал* «протока») и др. Аналогичную картину наблюдаем и при передаче заимствованной из мансийского языка нарицательной лексики (см. ФУЗ. 88). Топоним Бут (манс. *пут* «котел») представляет единичный факт озвончения *п* в начальном положении. Заметим, что такой же единичный факт озвончения *п* в анлауте имеет место и в нарицательной лексике: А. К. Матвеевым в русских говорах на территории Припелымья

⁸ См.: Дж. Гринберг, Ч. Осгуд, Дж. Дженкинс. Меморандум о языковых универсалиях. — В сб.: Новое в лингвистике, вып. 5. М., 1970, с. 35

⁹ Словарь русских говоров Среднего Урала, т. 1. Свердловск, 1964.

отмечено слово *бурлахты* «религиозный праздник, моление, жертвоприношение у манси» (ФУЗ. 48), которое он сопоставляет с манс. сев. *purlaxti* (Szil. 345) — «приносить жертву».

При передаче русскими мансийского *n* в середине и конце слова мансийскому *n* в основном также соответствует русский *n* (*n'*): Ампатур (~ манс. *амп* «собака»), Шорутья (~ манс. *соруп* «лось») и др. В интервокальном положении и между гласным и сонорным возможно озвончение: Ибья (~ манс. *йипыг* «филин»).

Манс. *t*. В начале слова мансийский *t* последовательно отражается как русский *t* (*t'*): Талтымья (~ манс. *талт* «пристань»), Татья (~ манс. *тавд.*, *конд. тат* «кедр») и др. В нашем распоряжении есть несколько фактов соответствия *t* ~ *d* в начале слова, однако надежность их невелика, поскольку они отмечены в названиях, для которых возможна различная трактовка. Так, на одной карте (ГАСО, ф. 59, оп. 2, д. 1200) отмечено две речки в бассейне средней Сосьвы — Таньша (приток р. Турьи) и Даньша (приток р. Ваграны). Названия, без сомнения, этимологически родственны. Приведем еще засвидетельствованное СТЭ в районе нижней Лозьвы название д. Таньшино, которое также может быть сопоставлено с указанными топонимами. Ввиду этимологической неясности этих названий говорить о их мансийском происхождении в конечном счете приходится с большой осторожностью. Вместе с тем мансийское посредничество весьма вероятно, так как в языке, не знающем фонематического противопоставления по глухости — звонкости, как уже указывалось, возможна медиализация глухого согласного с последующим усвоением его русскими в качестве звонкого. Можно допустить, правда, и обратный путь: первоначально русские или, во всяком случае, немансийские названия имели инициальный звонкий согласный, который затем подвергся оглушению. Однако и этот процесс может быть объяснен здесь только мансийским посредничеством.

В середине слова мансийский *t* также обычно передается русским *t* (*t'*): Картым (~ манс. *хартум* «волок»), Патасья (~ манс. *патас* «перевес») и др. Однако в положении между гласными и сонорными он может передаваться русским *d*: Пандросья (~ манс. *пант* «плоский»). На конце слова мансийскому согласному *t* регулярно соответствует русский *t*: Коут (~ манс. *ховт* «ель»).

Манс. *t'*. Названий, в которых отражается мансийский мягкий *t'*, в русской топонимии мансийского происхождения на исследуемой территории сравнительно немного. В имеющихся примерах он обычно передается русским *t'*: Вотья (~ манс. *вотен* «сирота»).

Манс. *k*. Согласный, имеющий по всем мансийским диалектам однозначное соответствие *k*, в русской топонимии мансийского происхождения в начале слова обычно субституируется русским *k*. Исключение составляет позиция перед гласными переднего ряда, в которой *k*, подвергающийся позиционному смягчению, может переходить в *t'*: ср. Келья ~ Теля, Киверья ~ Тиверья, Ки-

ляй ~ Тиляй и др. Явление перехода $k' > t'$ известно в русских говорах¹⁰ и может быть объяснено русским усвоением: ср. кепка — тепка, кино — тино и т. п. Следует заметить, однако, что такой переход возможен и на мансийской почве: ср. манс. верх-лозьв. *ким* ~ *тим* (СТЭ) «ток (тетеревиный, глухариный)». Поэтому в данном случае необходимо учитывать обе возможности.

Факты перехода $k' > t'$ в анлауте встречаются и в нарицательной русской лексике, заимствованной из мансийского языка: ср. засвидетельствованное А. К. Матвеевым на территории Гаринского района Свердловской области слово *киш* с вариантом *тиш* «обруч из черемухи или березы», сопоставляемое с мансийским *кис*, *киш* (ФУЗ. 61).

Следует заметить, что в заимствованной из мансийского языка нарицательной лексике встречается также передача мансийского *к* русским *г* в начале слова: ср. русск. *гусь* «верхняя одежда хантов и манси» (~ манс. *кусь*, *кувьсь* «то же») (ФУЗ. 56—57). Впрочем, в данном случае озвончение может быть связано с воздействием народной этимологии (русс. «гусь»). В топонимии такое усвоение пока не отмечено.

В середине слова рассматриваемому мансийскому звуку чаще всего соответствует русский *к*. Вместе с тем в интервокальном положении, а также после *н*, соответствующего заднеязычному η , перед гласным мансийский *к* может передаваться русским *г*¹¹: Пангур (ср. манс. *пангк* «грязь»), Янга (ср. манс. *янгкылма* «болото») и др. Следует обратить внимание на тот факт, что участие голоса при произнесении этого звука после η перед гласным в мансийском языке (в результате медиализации) выступает настолько ярко, что некоторые словари уже в мансийском языке фиксируют звонкий согласный: ср. *pāng* (Szil. 332), *jaŋgel-ma* (Ahlqv. 8).

Манс. сев. *х*, зап. *к*. В соответствии с северномансийским *х* в западных и южных мансийских диалектах в начале слова выступал *к*¹². Поэтому, очевидно, не случайно, что на исследуемой территории не зафиксировано ни одного топонима мансийского происхождения с *х* в анлауте, ср.: Калья (~ манс. *халь* «береза»), Коут (~ манс. *ховт* «ель») и др. Интересно, что в заимствованной из мансийского языка русской нарицательной лексике на территории региона также не отмечено ни одного слова с начальным *х* (см. ФУЗ). Это объясняется тем, что западные и южные мансийские диалекты сохраняли в начале слова финно-

¹⁰ См.: Русская диалектология. Под ред. Р. И. Аванесова и В. Г. Орловой. М., 1965, с. 75.

¹¹ А. К. Матвеев считает, что *к* в позиции после η выпадает, а рефлекс *нг* восходит только к η (см. ФУЗ. 91). См. также далее о русской адаптации мансийского η .

¹² См.: B. Kalman. *Manysi Nyelvkönyv. Tankönyvkiadó. Budapest, 1955; с. 6.*

угорский *к*, который в северных диалектах спирантизировался¹³.

В середине слова картина в значительной мере остается такой же, т. е. северномансийскому *х* соответствует в западных и южных диалектах *к*, замещаемый русским *к*: Нюкса (~манс. *нѣхыс* «соболь»), Окширья (~манс. *охсар* «лиса») и др. В позиции после сонорного заднеязычного *η* рассматриваемый согласный может передаваться русским *г*¹⁴.

На конце слова в соответствии с северным *х* в западных и южных диалектах также мог выступать *х* (см. St. Gesch. 237). Поэтому в русской топонимии мансийского происхождения рассматриваемый звук на конце слова соответственно отражается как *х*: Кулах (~манс. *хулах* «ворон»). Согласный *х* сохраняется, если слово, на конце которого он выступал, участвует в словосложении: Нихвор (~манс. зап. *них* «лиственница», *вор* «лес»). Вместе с тем необходимо отметить, что в одном топониме в соответствии с северномансийским *х* на конце слова выступает *к*: Уншик (ср. манс. *унсах* «мост»).

Манс. сев., зап., южн. с. Согласный, которому во всех мансийских диалектах соответствует *с*, в начале слова в русской топонимии мансийского происхождения устойчиво передается как *с*: Сальтынья (~манс. *сальт* «лыко, мочало»), Суепья (~манс. *суй* «сосновый бор») и др. В середине и на конце слова в соответствии с указанным мансийским звуком также выступает обычно *с*: Посол (~манс. *посал* «протока»), Патасья (~манс. *патас* «перевес») и др. Лишь в одном случае, выступая в середине слова после сонорного *н* (~манс. *η*), этот согласный подвергся озвончению: Лонзонпава (~манс. *лонгсын* «пескарь»).

Особого упоминания заслуживают случаи, когда русские, стремясь «исправить» произношение в соответствии с литературной нормой русского языка, на месте прежнего *с* стали произносить *ц*, ошибочно посчитав это *с* результатом упрощения аффрикаты *ц* (в местных русских старожильческих говорах весьма часто встречается *ц > с*): Кольцава (<*каль* «береза» + *сав* «роща» с народной этимологией «кольцо»), Полубцава (<*Поллуб* (название реки) + *сав*).

Манс. сев. с, вост. с, ш, зап., южн. ш. а. Топонимы с *ш* на месте западно- и южномансийского *ш*, соответствующего северному *с*, встречаются в пределах исследуемой территории по Пелыму, Вагилю, Лозье и Тавде: Шемелья (~манс. сев. *сэмьл*, зап. *шемьл* «черный»), Шорупья (~манс. сев. *соруп*, зап. *шорп* «лось») и др. Имеются они и в верховьях Южной Сосьвы. Таким образом, русские топонимы мансийского происхождения, имеющие в своем составе *ш* на месте указанного мансийского согласного, распространены почти по всей исследуемой территории, исключая

¹³ См. J. Szinnyi. Finnisch — ugrische Sprachwissenschaft. Berlin — Leipzig, 1922, с. 21; В. И. Лыткин, Е. С. Гуляев. Краткий этимологический словарь коми языка. М., 1970, с. 9.

¹⁴ См. адаптацию согласных *к* и *η*.

среднюю и нижнюю Сосьву, где достоверно этимологизируемых топонимов мансийского происхождения выявлено относительно мало.

Значительную часть топонимов мансийского происхождения с *ш*, соответствующим западно- и южномансийскому *ш* (~сев. *с*), составляют названия с термином *шош* (~сев. *сос* «ручей»), который на Пелыме, Вагиле, верхней и средней Тавде известен также в самостоятельном топонимическом употреблении и в лексике местных русских говоров.

б. В некоторых случаях западно- и южномансийский *ш* (~сев. *с*) в русской топонимии мансийского происхождения отражается как *ч*: Икучёш (~манс. сев. *сос*, зап. *шош* «ручей»), Чашколанга (~манс. сев. *сас*, зап. *шаш* «береста»), Яча (~манс. сев. *яс*, зап. *яш* «тропа») и др. Следует отметить, что *ч* в соответствии с вышеуказанным мансийским согласным встречается и в заимствованной из мансийского языка апеллятивной лексике: ср., например, *шуньжа*=*суньжа*=*чуньжа* «мох, лишайник» (~манс. сев. *сунс*, пел. *шунш* «то же») (ФУЗ 80), *шумьех*=*шумех*=*ш'умех*=*чумех* «лесной амбарчик» (~манс. *сумьех*, *шумех* «то же») (ФУЗ. 79—80). Интересно, что *шуньжа*=*суньжа*=*чуньжа* (*ж* здесь из **ш*, который после *н'* может озвончаться) зафиксировано А. К. Матвеевым в Припелыме и полностью аналогично русскому пелымскому *шош*=*сош*=*чёш* (вариант *чёш* с нарицательным значением на территории Припелымы неизвестен, но ср. в топониме Кульшош=Кульсош=Кульчёш).

Картографирование топонимов, имеющих в своем составе *ч* (~манс. зап., южн. *ш* ~сев. *с*), показало, что территория их распространения находится в пределах ареала соответствия манс. зап., южн. *ш* (~сев. *с*) ~русс. *ш*. Реалии с этими названиями расположены главным образом по течению собственно р. Тавды, заходя отдельными островками на территорию Вагиля и Пелыма. Встречаются такие названия и в районе верхней Сосьвы. Зафиксирован ряд топонимов с *ч* по средней Сосьве: Онча (ГАСО, ф. 59, оп. 3, д. 1630), Чап (ГАСО ф. 59, оп. 2, д. 1200), однако ввиду их недостаточной этимологической ясности наличие указанного соответствия здесь остается под вопросом.

Отметим, что основную часть названий с *ч*, соответствующим манс. зап., южн. *ш*, сев. *с*, составляют топонимы, включающие термин *чёш*. Другие основы встречаются значительно реже. Появление *ч* в данном случае трудно увязывается как с русскими, так и с мансийскими данными. Дело в том, что в западных и южных диалектах мансийского языка северному *с* соответствует *ш*. В мансийской апеллятивной лексике западных и южных диалектов в соответствии с северным *с* согласный *ч* обычно не встречается. Переход твердого *ш* > *ч* только на русской почве также невозможен: в русском языке это особые фонемы, и такое фонетическое изменение русскому языку несвойственно.

Таким образом, появление *ч* не может быть истолковано в

рамках одного из взаимодействовавших языков — русского или мансийского. Поэтому при объяснении данного феномена необходимо учитывать особенности того и другого языка. Для этого требуется допущение, что *ш* в некоторых словах западных и южных мансийских диалектов артикулировался мягче, чем русский *ш*, в связи с чем он мог отражаться как *ш'*. В свою очередь *ш'* в местных русских говорах встречается, как правило, только на месте аффрикаты *ч* (см. ФУЗ. 11). В пользу этого предположения говорит и то, что граница *ч* ~ *с*, соответствующих мансийскому сев. *с*, в пределах исследуемой территории полностью совпадает с границей *ч* ~ *с'* (*с*), соответствующих манс. сев. *с'* (см. далее адаптации согласного, соответствующего манс. сев. *с'*). Заметим, что соответствие, аналогичное предполагаемому, как указывает В. Н. Чернецов, часто встречается в северномансийских говорах: ср. *салм* (ляпинский говор) ~ *сялм* (сосвинский говор, литературная форма) «полоса» (Черн. 15). Кроме того, на наличие данного соответствия указывают и приводимые А. К. Матвеевым манс. сев. *яс*, пел. *ящ*, русск. *яча*; сев. *сос*, пел. *сощ*, русск. *шош*¹⁵. Вместе с тем, по-видимому, исходный мансийский звук не был сильно палатализован, что и обусловило появление вариантов, отражающих колебания при усвоении его русскими: Китшош = Китчеш, Кульшош = Кульчеш¹⁶.

Известно, что манс. *ш* может восходить к финно-угорскому *ч*¹⁷. Однако в данном случае вряд ли можно предположить, что в некоторых случаях в мансийском языке этот согласный сохранил свое древнее качество. То обстоятельство, что почти все названия с *ч* (~ зап., южн. *ш*, сев. *с*) находятся внутри ареала, где мансийский зап., южн. *ш* (~ сев. *с*) отражается как *ш*, может свидетельствовать в данном случае о вторичном происхождении *ч*.

в. Названия, в которых на месте рассматриваемого мансийского звука выступает *с*, в русской топонимии мансийского происхождения в целом немногочисленны. В основном это также топонимы, имеющие в своем составе *сос* или *сош*. Все они расположены в северной части исследуемой территории, главным образом, в районе верхнего Пелыма и верхнего Вагиля, встречаясь иногда и ниже по Пелыму.

Появление *с* в северной части ареала западномансийских диалектов, там, где они граничили с северным наречием, вполне закономерно, так как трудно ожидать, что топонимия, восходящая к разным мансийским диалектам, образует резкие и четкие границы. Наличие *с* (~ сев. *с*) вместо *ш* (~ зап. *ш*) в части топо-

¹⁵ А. К. Матвеев. Финно-угорские заимствования в русских говорах Северного Урала. — «Уч. зап. Свердл. пед. ин-та», вып. 16, 1958, с. 211.

¹⁶ Допустимо также предположение, что колебания вызваны чередованием твердого и мягкого звуков, возможно, имевшим место в языке-источнике.

¹⁷ Так, начальный согласный в слове *шош* возводится к финно-угорскому *ч*. См.: A magyar szókészlet finnugor elemei etimológiai szótár. — Akadémiai kiadó. Budapest, 1967, с. 99.

нимов на севере исследуемого региона свидетельствует о междиалектных контактах, о постоянном взаимовлиянии диалектов и взаимодействии диалектных форм.

Контаминацией данных северных и западных диалектов можно объяснить и имевшуюся в пелымском диалекте мансийского языка форму *сош* (ФУЗ. 79) наряду с *шош* (Капп. 76). Соответственно в топонимии по Пелыму находим названия, в которых наряду с *шош* в качестве варианта выступает форма *сош*: Кульшош=Кульсош. Контаминации в топонимии, очевидно, предшествовала контаминация в лексике. Это объясняет появление названия Сальтамсош на территории ниже Пелымского Тумана, где трудно уже видеть непосредственное влияние северного диалекта.

Ср. также отражение консонантизма разных диалектов в вариантах топонимов Кашлапум=Каслапум (средний Пелым), Кынглшош=Кынглсос (верхний Пелым). Интересно, что хотя в обоих топонимах последовательно отражается западное *к* в соответствии с северным *х* (см. адаптацию манс. сев. *х*, зап. *к*), ожидаемое закономерное *ш*, отражающее *ш* западных диалектов, выступает в части названий наряду с *с*, отражающим северное *с*.

Заметим, что в русской лексике, заимствованной из мансийского языка, также встречаются варианты, восходящие, возможно, к разным диалектам или, во всяком случае, отражающие контаминации данных разных диалектов: ср. *киж*, *тиш* ~ *тис* (~ манс. *кис*, *киш*) «обручи из черёмухи или березы» (ФУЗ. 61) *шуньжа* ~ *суньжа* (~ манс. сев. *сунс*, пел. *шунш*) «мох, лишайник» (ФУЗ. 80).

Манс. *с'*. Мансийский согласный, соответствующий северному *с'*, на исследуемой территории отражается как *с'* (*с*) или *ч*. Особыми случаями являются названия Шольчина (~ манс. *сёльси* «горностай») и Чешва (~ манс. *сесьва* «заяц»), в которых появление *ш* объясняется тем, что в исходных апеллятивах в западных диалектах в соответствии с северным *с'* выступал *ш*.

Рефлексы *с'* (*с*), с одной стороны, и *ч* — с другой, довольно четко территориально противостоят друг другу: на севере исследуемого региона выступает *с'* (*с*), а на юге — *ч*. Зона распространения *ч* охватывает территорию собственно Тавды, включает нижнее течение Лозьвы, Вагиля и Пелыма и продолжается дальше на запад. Появление русского *ч* на юге исследуемой территории в данном случае хорошо объясняется из тавдинского диалекта мансийского языка: ср. тавд. *чахыл* (СТЭ) — сев. *сяхл* (СТЭ) «туча». Дальнейшие изменения сводятся к субституции этого звука русским *ч*. Вместе с тем в данном случае также нельзя исключить возможность, что исходный мансийский звук мог и не иметь взрывного элемента и субституировался русским *ш'*, который в свою очередь мог восприниматься как упрощенная аффриката *ч*.

К северу от зоны распространения *ч* на месте мансийского звука, соответствующего северному *с'*, в русской топонимии мансийского происхождения последовательно выступает *с'* (иногда *с*).

Два названия с *с*, заходящие на территорию распространения *ч*, непоказательны: в топониме Воссаймы (нижний Пелым) возможна регрессивная контактная ассимиляция под воздействием начального *с* второго компонента сложения (*ось* «узкий» + *сойим* «лес по берегу ручья»), а на форму названия Росья (по средней Тавде) могла повлиять народная этимология на русской почве (русск. «роса», ср. манс. *рось* «песчаный берег»).

В отдельных случаях причины появления твердого *с* не совсем ясны. Если в топониме Осыскартам (~ манс. *осься* «узкий», *хартум* «волок») это отверждение можно с некоторой натяжкой объяснить русским усвоением, так как название зафиксировано и в форме с мягким *с'* (Оссекартом), то, например, в топониме Ньюлас (~ манс. сев. *нюлась*) причину отверждения назвать трудно.

Последовательное отражение в виде русского *с'* (*с*) может свидетельствовать об особом характере исходного мансийского звука на исследуемой территории. Укажем для сравнения, что на территории северных диалектов мансийский мягкий *с'*¹⁸ часто отражается как русский *ч*: ср. русские формы названий рек в бассейне верхней Лозьвы: Анчуг (~ манс. верх.-лозьв. Аньсюкв), Печерья (~ манс. верх.-лозьв. Песерья).

Значительный интерес представляет тот факт, что ареал *ч*, соответствующего мансийскому *с'*, совпадает с ареалом *ч*, соответствующего мансийскому сев. *с*, зап., южн. *ш*. Зоны распространения *с'* (*с*), соответствующего мансийскому *с'*, и *с*, соответствующего мансийскому сев. *с*, зап., южн. *ш*, также практически совпадают. Это, как уже указывалось, может свидетельствовать о том, что в части топонимов получила отражение более мягкая артикуляция исходного звука, соответствовавшего сев. *с*, зап., южн. *ш* (см. адаптацию манс. сев. *с*, вост. *с*, *ш*, зап., южн. *ш*).

В апеллятивной лексике, заимствованной из мансийского языка, на исследуемой территории мансийский согласный, соответствующий сев. *с'*, также отражается русскими как *с'* или *ч*: манс. сев. *кусь* ~ русск. *гусь* «верхняя одежда хантов и манси» (ФУЗ. 56—57, 90), сев. *лупси* ~ русск. *лупча* «завал на лесной реке» (ФУЗ. 64).

Манс. *в*. В начале слова в соответствии с мансийским *в* в русской топонимии мансийского происхождения довольно последовательно выступает русский *в*. Имеющиеся немногочисленные примеры, в которых на месте этого звука в анлауте выступает русский *у* (Утья, ср. манс. *вит* «вода»), объясняется чередованием *wi* ~ *ü*, имевшим место в мансийском языке: ср. сев. *wit*, ниж.-лозьв., вагильск., пел. *üt'* (St. Gesch. 229) — «вода»¹⁹.

¹⁸ Об артикуляции этого звука в современном мансийском языке см.: Е. И. Ромбандеева. Мансийский язык, с. 344—345.

¹⁹ Впрочем, Г. И. Олесова отмечает случаи, когда мансийский *в* передается русским *у* в начале слова независимо от этого условия: ср. манс. *вотынг*, русск. *уотен* (Ол. 37), однако это примеры из письменных источников и относятся к территории северномансийских диалектов. В устном употреблении примеры такого отражения *в* в анлауте нам не известны.

В других позициях в соответствии с мансийским *в* выступают русские *в* или *у*²⁰, что обычно зависит от качества последующего звука. Перед согласным мансийский *в* в силу своего билабиального характера в русских топонимах мансийского происхождения обычно отражается как *у*: Екуя (~манс. сев. *эква* «женщина, старуха»), Покуталька (~манс. *пакв* «кедровая шишка»). Исключение — позиция перед плавным, в которой может выступать *в*: Оврыш (~манс. *овра* «река с крутыми берегами»), но ср. вариант Оурс.

В положении перед гласными обычно фиксируется *в*: Молва (~манс. *молва* «толокнянка обыкновенная»), Сава (~манс. *сав* «роща»). Необходимо отметить, что в некоторых случаях трудно определить, является ли выступающий в топониме *в* рефлексом мансийского *в* или же это согласный, развившийся на русской почве. Так, в топониме Ковытья *в* может восходить к мансийскому *в* (ср. манс. пел. *ковт* «ель»), однако, учитывая, что данное название функционирует также и в форме Коутья, можно предположить, что этот согласный развился на русской почве в связи с зиянием: Коутья > *Ковутья > Ковытья (о варьировании гласных во втором слоге см. далее).

Манс. *ј*. Мансийский согласный *ј* в русской топонимии мансийского происхождения обычно сохраняется независимо от позиции: Яча (~манс. *яс* «тропа»), Суепья (~манс. *суй* «сосновый бор»), Урай (~манс. *урай* «старица»). О случаях ассимиляции *ј* предшествующему согласному см. далее раздел «Комбинаторные изменения».

Манс. сев., зап. *ɣ*, южн. *w*. Мансийский согласный, которому в северных и западных диалектах соответствует *ɣ*, в южных — *w*, в русской топонимии мансийского происхождения может отражаться как *г*, *в*, *ј*. Интересно отметить, что в вариантах одного из топонимов выступают все три рефлекса: Лиганья = Линья = Лыванья.

Поскольку указанный звук в начале слова в мансийском языке не встречается²¹, эта позиция не рассматривается. Появление *г* в соответствии с мансийским *ɣ* вполне закономерно на русской почве, если учесть акустическую близость этих звуков. В самом русском языке очень широко распространено междиалектное соответствие *ɣ* ~ *г* (соответственно в южнорусском и севернорусском наречии). Поэтому совершенно естественно, что в говорах севернорусского типа, представленных на исследуемой территории, мансийский звук, аналогичный южнорусскому *ɣ*, передавался русским *г*: Агра (~манс. *агыр* «водоворот»), Магланёл (~манс. *магыл* «грудь»).

Что касается рефлексов *в*, *ј* в соответствии с указанным со-

²⁰ Возможность отражения мансийского *в* русским *у* в середине слова также отмечалась Г. И. Олесовой (Ол. 37).

²¹ См.: Е. И. Ромбандеева. Мансийский язык, с. 345.

гласным, то их появление могло быть обусловлено фонетическими процессами, имевшими место в языке-источнике. Так, следует указать на наличие соответствия манс. зап., сев. *y* ~ южн. *ω*: ср. сев., зап. *mayl* ~ южн. *tewl* «грудь» (St. Gesch. 259). Кроме того, колебание *y/ω* могло иметь место в западномансийских говорах в пределах диалекта, выступая в вариантах одного слова: ср. сев. вагильск. *sawr* ~ *sayr* (St. Gesch. 243) — «корова». Таким образом, если исходной была форма с *ω*, то этот согласный закономерно субституировался русским *в* (см. адаптацию манс. *в*): Шевья (~ манс. сев. *сыг*, тавд. *шев* «налим»).

Появление *j* на месте отмеченного мансийского согласного также связано с чередованием, имеющим место в мансийском языке: ср. верх-лозв. *sayrap* ~ *sajrap* (СТЭ) — «топор»²².

Г. П. Вуоно, говоря об адаптации указанного мансийского звука русским языком, отмечает, что мансийский²³ «...в середине слова передается как *ы* или *й*: Тагт «Северная Сосьва» в сложных образованиях принимает форму Таыт: Таытватта-янкалма «болото на берегу Северной Сосьвы», Айричлюнэтумп (от *агирись люсь-нэ тумп* «девы плачущей остров»)» (АМТРЯ. 187).

Однако трудно представить, что форма Таыт функционирует в русском устном употреблении, поскольку сочетание *-аы-* нехарактерно для русского языка. Скорее всего это попытка картографов передать мансийский звук с трудновоспринимаемой для русского уха артикуляцией. Примеры отражения мансийского *y* русским *ы* в устном употреблении нам неизвестны.

Особо следует остановиться на усвоении русскими мансийских топонимов, включающих основы, которые восходят к апеллятивам, соответствующим северномансийским словам с конечным *-ыг*: *йипыг* «филин», *келыг* «болото» и др. Часто в русских топонимах мансийского происхождения, восходящих к этим апеллятивам, рефлекс конечного согласного не обнаруживается (Ибья, Келья и др.), что может свидетельствовать о том, что во время усвоения русскими мансийской топонимической номенклатуры этого согласного в данных мансийских названиях не было. Возможно, его отсутствие вызывалось тем, что в западных диалектах имел место фонетический процесс перехода сочетания *ыг* в долгое *и*, особенно последовательно осуществлявшийся в южновагильском и нижне-лозвинском диалектах, встречающийся в северновагильском и иногда в пелымском (подробнее см. St. Gesch. 300—301).

Вместе с тем следует иметь в виду, что на территории северных диалектов топонимы, восходящие к апеллятивам с *-ыг*, также усваиваются русскими без конечного согласного. Это отмечает Г. П. Вуоно, который, в частности, пишет, что мансийское северное «*яныг* «большой» в качестве начального форманта топонимов

²² См. также: В. Н. Чернецов. Мансийский язык.— В кн.: Языки и письменность народов Севера, ч. 1. Л., 1937, с. 166.

²³ Насколько можно судить по материалу статьи, речь идет о северномансийской территории.

встречается в виде Яны-, Ены-, Ен-: Яныя, Янытур, Яныпауль, Яныманья...» (АМТЯ. 187). В связи с этим выпадение рефлекса *ɣ* при русском усвоении может объясняться тем, что в мансийских топонимах конечный *ɣ* артикулировался очень ослабленно (особенно когда выступал перед согласным), поэтому русские его не воспринимали, а в изолированном употреблении, где *ɣ* выступает сравнительно ясно, эти слова им не были известны.

Манс. *η*. В начальном положении в мансийском языке заднеязычный *η* не встречается. В позиции перед другим заднеязычным согласным мансийский *η* регулярно отражается как русский *н*, причем этот последующий согласный обычно подвергается озвончению: Лёнгурай (~манс. *лёнгах* «дорога»); Янга (~манс. *янгкылма* «болото»). А. К. Матвеев считает, что заднеязычный согласный, следующий после *η*, в этом случае выпадает, а рефлекс *нг* восходит только к *η* (ФУЗ. 91, сноска), но ср., например, Танкупья (вариант названия Тангупья, ср. манс. *тангкв* «вид мха»), где появление глухого *к* после *н* на русской почве в таком случае объяснить трудно.

В позиции между гласными и между гласным и сонорным мансийский *η* может отражаться как *нг*: Кенглшош (~манс. *хангла* «перекат»). В конце слова при эллиптированном номенклатурном компоненте, а также перед детерминативом *η* может передаваться как *м* или *н*: Сальтынъя=Сальтымья (~манс. *сальтынг* «мочальный»). Следует отметить, что на возможность передачи заднеязычного *η* русским *м* при заимствовании русскими хантыйских топонимов указывал В. Штейниц²⁴. На материале топонимии мансийского происхождения это было отмечено Г. П. Вуоно (ОТМТ. 117; АМТЯ. 187). Закономерности, определяющей, какой из этих рефлексов (*м* или *н*) должен выступать в том или ином случае, обнаружить не удалось. Г. И. Олесова приводит примеры, когда в абсолютном конце слова мансийский *η* отражается как *нг* (Ол. 37), однако в нашем материале таких случаев не отмечено. Возможно, что это объясняется характером материала, использованного Г. И. Олесовой (письменные источники).

Манс. *л*. Мансийский согласный *л* обычно передается русским твердым *л* (перед гласными переднего ряда и *j*—*л'*): Лахтур (~манс. *лакв* «круглый»), Кулахья (~манс. *хулах* «ворон»). Шемелья (~манс. *сэмыл* «черный»). Вместе с тем, в некоторых случаях в соответствии с манс. *л* появляется русский *л'* в позициях перед согласным. Это обусловлено, очевидно, тем обстоятельством, что в мансийском языке *л* является альвеолярным в отличие от русского зубного *л*. В связи с этим мансийский *л* мог быть воспринят русскими и как мягкий и передаваться соответственно мягким *л'*. Иногда колебание *л/л'* наблюдается в вариантах

²⁴ Wolfgang Steinitz. Zu vorrussischen und ihrer Aufnahme und Wiedergabe im Russischen. — Slawische Namenforschung. Akademie — Verlag. Berlin, 1963, с. 8.

одного названия: Посолтур=Посальтур (~ манс. *посал* «протока») Название одной и той же речки (прав. приток р. Ивдель, в басс. верхней Лозьвы) в письменных источниках выступает в формах Талтия (1856 г.— ГАСО ф. 59, оп. 2, д. 1409) и Тальтия (1859 г.— ГАСО ф. 59, оп. 2, д. 1352).

Манс. л'. Мансийский мягкий л' в русской топонимии мансийского происхождения регулярно отражается как л': Няльтя (~ манс. *няль* «слопец»), Шольчина (~ манс. *сёльси* «горностай»).

Манс. м. Мансийский м отражается как русск. м(м'): Ампатур (~ манс. *амп* «собака»), Меша (~ манс. *месыг* «извилина, изгиб»).

Манс. н. Мансийский согласный н субституируется русским н(н'): Норья (~ манс. *нор* «бревно»), Вана (~ манс. *ваныг* «лесная возвышенность»).

Манс. н'. Мансийский мягкий согласный н' всегда передается русским н': Нёлынья (~ манс. *нёл* «мыс»), Чуньчёш (~ манс. *сюнь* «богатый»).

Манс. р. Мансийский р субституируется русским р (р'): Рахтя (~ манс. *рахт* «глина»), Воря (~ манс. *вор* «лес»).

Вокализм безударных слогов

Гласные, находящиеся в русских топонимах мансийского происхождения не под ударением, могут быть разделены на несколько разрядов в зависимости от влияющих на них факторов, а также от характера изменений, которым они могут подвергаться.

1. Гласные в сложных топонимах, входящие в состав первого слога детерминативов, при русском усвоении имеют обычно однозначные соответствия определенным русским гласным и не подвергаются варьированию в устном употреблении: ср. Турья—Шиштур (~ манс. *тур* «озеро»), Шош—Китшош, Небошош (~ манс. *шош* «ручей») и др. Исключение составляют топонимы с детерминативом -ах (манс. *ахт* «протока»): Портох, Колмых Чарох (при основных и наиболее употребительных формах Портах, Колмах, Чарах).

2. Качество гласных, появившихся на конце слова в связи с русским усвоением и являющихся морфологическими показателями рода и числа (Нихп-а, Покутальк-а, Сальт-ы), зависит чаще всего не от фонетических, а от морфологических факторов. Морфологическими факторами определяется часто и качество гласных, входящих в состав формантов, которые могут квалифицироваться как русские морфемы: Тар-ин-а, Шольч-ин-а, Вороб-ин-а и др. (см. раздел «Морфологическое освоение»).

3. Для характеристики вокализма безударных слогов целесообразно рассмотреть топонимы, в которых определяющая часть, предшествующая детерминативу, состоит более чем из одного слога, многосложные топонимы, не содержащие в своем составе

детерминатива, а также формантов, которые могли бы рассматриваться как русские морфемы.

При исследовании безударного вокализма в русской топонимии мансийского происхождения прежде всего необходимо помнить об особенностях репрезентации безударных гласных в языке-источнике: «Ударение в мансийском языке падает на первый слог, последующие слоги несут на себе второстепенное ударение. Гласные первого слога всегда полные, устойчивые, гласные же непервого слога часто выступают как редуцированные: патыс (patəs — в литературном; patas, pates, patis, pats — в диалектах северной группы) «перевес» и т. д.»²⁵.

Необходимо также иметь в виду, что русское старожильское население на исследуемой территории сохраняет многие особенности севернорусских говоров, в частности полное оканье, при котором неударные гласные практически не редуцируются²⁶. Следовательно, мансийские редуцированные должны были передаваться русскими гласными полного образования. Ввиду ослабленности неударных гласных в языке-источнике в русской топонимии мансийского происхождения при передаче их гласными полного образования возникает варьирование (колебания).

Пределы этого варьирования можно установить при обращении к названиям, имеющим варианты в устном употреблении. При этом в зависимости от условий выделяются следующие основные типы колебаний²⁷: а) после твердых согласных, б) после мягких согласных и *j*, в) после *ш*.

а. Безударный вокализм после твердых согласных.

В соответствии с мансийским неударным гласным в русской топонимии мансийского происхождения после твердых согласных практически может выступать любой гласный заднего ряда. Весь набор варьирования в этой позиции в формах одного названия представлен лишь однажды: Поламя́=Поломя́=Полумья́=Полымя́. Довольно часто встречаются названия, в вариантах которых представлены по три гласных: Коласья́=Колосья́=Колыся́, Понанья́=Пононья́=Понынья́, Коватья́=Ковотья́=Ковытья́, Оврош=Оврош=Оврош и др. Часто встречаются и топонимы, в которых варьируются по два гласных: Карамья́=Каромья́, Колымя́=Колумья́, Нёланья́=Нёлынья́, Шоропя́=Шорупья́ и др. В названиях, функционирующих в устном употреблении в одной форме, гласный выступает в том качестве, какое он мог иметь в одном из вариантов: Коракхья́, Воробина, Талымя́, Шакурья́.

²⁵ Е. И. Ромбандеева. Мансийский язык, с. 345.

²⁶ См.: Русская диалектология, с. 66—67.

²⁷ Ассимиляционные процессы, имеющие место в области безударного вокализма, рассматриваются в разделе «Комбинаторные изменения».

б. Безударный вокализм после мягких согласных и *j*.

После мягких согласных и *j* встречаются гласные *э*, *и*, а также *а*: Воетья=Воитъя, Лоемья=Лоимья, Оят=Оет, Пачилья=Пачерья. Названия, функционирующие в устном употреблении в одном варианте, закрепляются в форме, характерной для одного из членов приведенных корреляций: Агреп, Воимья, Воят.

в. Безударный вокализм после *ш*.

После *ш* в безударном положении в вариантах названий встречаются гласные *а*, *э* (орфографически *е*), *ы* (орфографически *и*): Кошаволь=Кошеволь, Пошемья=Пошамья, Шешенурай=Шешинурай. Соответственно в названиях, функционирующих в одной форме, закрепляется один из этих гласных: Вышер, Окширья.

Интересно отметить, что при переносе ударения с первого слога на последующие в начале слова могут наблюдаться аналогичные изменения, хотя и проявляющиеся менее широко. Представлены в основном следующие корреляции: *а*~*о* (Ахінка==Охінка, Варкúль=Воркúль, Канья=Конья, Каянтúр=Коянтúр, Пасóл=Посóл, Тамкóль=Томкóль), *о*~*у* (Оврушóвский=Уврушóвский, Осыкáртам=Усыкáртам, Поговóр=Пуговóр, Поксýнка=Пуксýнка), *а*~*э* (Шашквáл=Шешквáл).

Причины варьирования гласного в начале слова могут быть иными, нежели при усвоении гласных других слогов, так как в первом слоге в мансийском языке обычно выступал гласный полного образования. Правда, в тавдинском диалекте было возможно ударение на последнем слоге, и при этом могли редуцироваться как раз гласные начальных слогов, однако указанные колебания представлены и далеко за пределами распространения тавдинского диалекта.

Причинами варьирования гласных в начале слова могли быть как неосвоенность мансийских названий русскими и вызванные этим колебания при их запоминании (чему способствовала неясность внутренней формы), так и неясное для русских качество исходных мансийских звуков (например, лабиализованный *а*). Кроме того, важную роль должны были сыграть и тенденции, характерные для русского языка. Так, например, колебание *а*~*э* в начальном слоге не под ударением после шипящих известно для слов с неясной внутренней формой в русском языке: ср., например, отмеченные в «Толковом словаре русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова (т. 4. М., 1940) как равноправные формы шалопáй — шелопáй, шаромýжник — шеромýжник и др. В севернорусских говорах в соответствии с литературными жара, шагать встречаются жера, шегать²⁸.

Таким образом, безударный вокализм в русской топонимии мансийского происхождения на исследуемой территории пред-

²⁸ См.: Р. И. Аванесов. Очерки русской диалектологии, ч. 1. М., 1949, с. 103.

ставлен рядами колебаний, причем любой из членов, входящих в тот или иной ряд, может, вытеснив остальные варианты, стать единственной формой названия.

Интересно отметить, что в районе нижней Тавды и по Сосьве топонимы гораздо реже имеют варианты в устном употреблении. Это может указывать на то, что процесс освоения мансийских топонимов в данных районах в основном закончился.

Акцентологическое освоение

В мансийском языке ударение обычно падает на первый слог, за исключением тавдинского диалекта, где возможно разноместное ударение²⁹. В русской топонимии мансийского происхождения на исследуемой территории также в большинстве случаев ударным является первый слог. Вместе с тем имеется группа названий, в которых ударение падает не на первый слог, что может объясняться различными причинами.

Прежде всего заслуживает отдельного рассмотрения характер ударения в топонимах, имеющих в своем составе детерминатив. Названия с детерминативами *-я*, *-ах*, *-урай* обычно имеют ударение на первом слоге. Исключения из этого правила довольно редки: Арья, Вонгурай, Кальчак, Канья, Кулья=Кулья, Осья=Осья, Чйшья=Чйшья. Топонимы с другими детерминативами обычно имеют ударение на первом слоге детерминатива. В этом случае «перенос ударения, по всей вероятности, объясняется интенсивным характером ударения, которое находится на первом слоге второго элемента сложного мансийского слова» (ФУЗ. 92). Кроме того, топонимы, имеющие структуру «основа+детерминатив», могли ассоциироваться с русскими сложными словами, поскольку многие слова, к которым восходят детерминативы, известны в качестве нарицательных заимствований. Учитывая, что в русских сложных словах ударение обычно падает на второй компонент сложения (ср. паровоз, теплоход и др.), перенос ударения получает реальное объяснение на русской почве. Исключения здесь также сравнительно немногочисленны: Кáлиншош, Кйтшош, Кúшункумтур, Лáхтур, Нíхвор, Овршош, Пéнтур, Пóпытор, Шйштур. Кроме того, ряд топонимов этого типа имеет факультативное ударение: Ёнашош=Енишóш, Кóптур=Коптúр, Омшал=Омпшóулым, Онгошнёл=Онгошнё́л, Пóнел=Паннёл, Пóсолтур=Посолтúр, Сáльтымсош=Сальтымсóш, Тóрлушош=Торлушóш, Шáнштур=Шанштúр. В устном употреблении, однако, в большинстве случаев у этих топонимов преобладают формы с ударением на первом слоге детерминатива, что может свидетельствовать о тенденции к их закреплению.

²⁹ B. Kalman. *Manysi Nyelvkönyv*. — Tankönyvkiadó. Budapest, 1955, с. 6; E. Itkonen. Über die Betonungsverhältnisse in den finnisch-ugrischen Sprachen. — Acta linguistica Acad. Hung. 5, 1—2, 1955.

Имеется также небольшая группа названий, в которых каждый компонент сложения имеет самостоятельное ударение: Кúлах-Пй́тим-Сúй, Кúлх-Пё́тин-Вóль, Шё́мель-Ва́ня.

В названиях, не имеющих детерминатива, перемещение ударения с первого слова на последующие происходит, очевидно, чаще всего «по аналогии с русскими акцентологическими моделями» (ФУЗ. 92). В данном случае особенно показательны данные Обратного словаря русского языка. Так, из 368 слов на *-инка* в русском языке лишь 93 имеют ударение не на *-и-* (ОС. 46—48). Соответственно топонимы типа Ахй́нка, Лявди́нка получают ударение по наиболее продуктивному типу. Из 82 слов на *-ай* только 11 имеют ударение не на конце слова (ОС. 212). Ср. соответственно топонимы Киля́й, Коша́й, Ура́й. Из 358 русских слов на *-ан* у 326 ударным является конечный слог (ОС. 457—459) (ср. топоним Вагра́н) и др.

У части названий перенос ударения с первого слога может быть связан с воздействием народной этимологии на русской почве: Тума́н, Посо́лка, Сосна́.

Не совсем ясны причины переноса ударения у некоторых двусложных названий на *-а*: Сарча́, Ньюкса́. Интересно замечание информанта о последнем топониме: «Раньше всё Ньюкса звали, а теперь больше Ньюкса зовут».

Топонимы, являющиеся русскими образованиями от субстратных основ, имеют ударение, характерное для соответствующих словоизменительных форм в русском языке, например: Оета́ (<оет, ср. русск. хо́лод — холода́), Шоши́ (<шош, ср. русск. но́ж — ножи́) и др.

Охарактеризованные тенденции акцентологического освоения почти в одинаковой мере общи для всех регионов исследуемой территории. Отметим только, что в районе верхней Тавды и нижней Лозьвы среди названий, поддающихся этимологической интерпретации, топонимы с ударением не на первом слоге встречаются довольно редко, однако данные этих регионов непоказательны, так как здесь почти нет названий с детерминативами *-тур*, *-воль* и др., на которые обычно переносится ударение.

Комбинаторные фонетические изменения

При усвоении русскими топонимии мансийского происхождения могут быть отмечены следующие основные комбинаторные изменения³⁰:

а. Ассимиляция гласных.

Выше уже отмечалось, что безударные гласные в русских топонимах мансийского происхождения имеют довольно широкий

³⁰ В данном разделе не рассматриваются процессы озвончения согласных, а также смягчения их перед гласными переднего ряда и *j*, поскольку об этом уже шла речь.

диапазон варьирования в устном употреблении. Здесь необходимо указать на возможность ассимилирующего воздействия ударного гласного на безударный. Оно проявляется в том, что русский гласный полного образования, появляющийся на месте мансийского редуцированного, в безударном положении очень часто того же качества, что и ударный: Агарья, Ибия, Кыпырым = Кэпэромъя, Няляття, Пүтумка, Пылыпья, Шóропья.

При переносе ударения также преобладает прогрессивная ассимиляция (Ампатүр, Кашлапүн, Посолнёл, Шемельвёт), что указывает, по-видимому, на прежнее ударение на первом слоге. Возможен и регрессивный процесс: Кóптур = Куптүр.

В результате ассимилятивного воздействия может быть нарушен диапазон варьирования безударного гласного, главным образом после *ш*: Кошомók, Пóшомня.

Ассимиляция возможна лишь в том случае, если оба гласных, которые могли бы участвовать в процессе, выступают либо после мягких (или *j*), либо после твердых согласных, либо в абсолютном начале слова. В том случае, если один гласный находится после твердого, а другой после мягкого согласного, ассимиляции не происходит.

б. Ассимиляция последующего *j* согласными *л, н, с, т*.

В этом случае они часто передаются как *л', н', с', т'*: Сулья = Сулля, Ининъя ~ Иння, Росья = Росся, Воетья = Воеття. Иногда указанные сочетания произносятся как *л', н', с', т'*: Котылья = Котыля, Колысья = Колыся. Для других согласных, выступающих в сочетании с *j*, аналогичное произношение нехарактерно. Данное явление широко распространено в русских диалектах³¹ и возникает на русской почве. Топоним может закрепиться в данной форме и выступать в одном варианте: Ваття, Иння, Теля.

в. Дистактная полная ассимиляция согласных.

Среди названий, имеющих лишь один вариант в устном употреблении, довольно трудно выявить те, в которых имел место указанный процесс, так как не всегда есть уверенность в правильности восстановления исходной формы. Однако в том случае, когда топоним функционирует в нескольких вариантах, обнаружить наличие данного процесса значительно легче: Кашлапум = Кашлакум, Чехмичёш = Чешмичёш. Приведем еще название р. Шахкочма и наименование находящегося рядом урочища Кругшачкочмы (т. е. «вокруг Шачкочмы»). Ср. также Чёчешный Исток, Чечки (<чёш, ср. Чешовская Старица).

Условия, при которых протекает указанный процесс, не совсем ясны ввиду небольшого числа примеров.

³¹ См.: Русская диалектология, с. 90.

г. Диссимиляция губных $mp > np$, $mb > nb$:

Ампатур=Анпатур, Лампеть=Ланпеть, Омбатурка=Онбатурка, Тумповор=Тунповор. Это явление широко распространено в русских говорах: ср. бомба (бомба), анбар (амбар), конпот (компот) и т. п.

д. Диссимиляция взрывных $kt > xt$:

Пахтур (~ манс. пел. *поак+тур*), Лахтур (манс. пел. *лакв+тур* с диерезой лабиального компонента у лабиовелярного *кв*). Следует отметить, что в данном случае диссимиляция могла иметь место как на русской, так и на мансийской почве: ср. русск. *трактор* (*трактор*) и манс. сев. *яктунгкве* (Б—В. 151) ~ тавд. *яхтынг* (СТЭ) — «резать».

е. Протеза.

В русской топонимии мансийского происхождения встречаются протетические согласные *в* и *ј*, причем *в* выступает преимущественно перед *о* (Оет=Воет), реже — перед *а* (Агарья=Вагарья). *ј* встречается в качестве протезы обычно перед *э*: Экуя=Ёкуя, Эхтальяка=Ехтальяка. Необходимо заметить, что употребление указанных согласных в качестве протезы может объясняться как на русской, так и на мансийской почве: ср. манс. тавд. *оһрел* (Szil. 325) ~ *vonhol'* (Тг. 475) — 'пень' и русск. *острый* ~ (диал.) *вострый*; манс. *eŭküä*, *jeuküä* (Ahlqv. 5) — 'женщина' — и русск. *этот* ~ (диал.) *е́тот*.

ж. Эпентеза.

В труднопроизносимых группах согласных может появляться эпентетический гласный: Ампатур (~ манс. пел. *оамп+тур*), Тумповор (~ манс. сев. *тумп+вор*). В данном случае процесс вставки проходил, по-видимому, при русском усвоении. В мансийском языке подобные сочетания согласных возможны: *ампкол* (Б—В. 16) — «конура», *товтлунгкве* (Б—В. 121) — «жевать». Вместе с тем нельзя исключить возможность появления гласного хотя бы в некоторых из указанных сочетаний на мансийской почве, так как явление вставки гласного в труднопроизносимых группах согласных известно и в мансийском языке: ср. манс. сев. *hulp* «сеть» ~ *hulupn* «в сеть» (см. Черн. 15—16).

з. Диереза.

Труднопроизносимые ввиду стечения согласных или неясно слышимые согласные в русском употреблении могут исчезать из произношения: Картамван=Картаван, Олгуншош=Олгушош,

Перкомсава=Перкосава. Наиболее достоверны случаи, когда топоним имеет варианты в устном употреблении.

Морфологическое освоение

Процесс морфологического освоения мансийских топонимов русскими состоит в том, что мансийские по происхождению названия в русском употреблении приобретают грамматические характеристики (род, число и т. д.), типичные для слов-субстантивов в русском языке. В формальном отношении сущность этого процесса сводится к тому, что исход названия перерабатывается в соответствии с типичными для русских топонимов конечными морфемами, являющимися показателями грамматических характеристик в русском языке. В итоге топоним приобретает такие же словоизменительные и словообразовательные возможности в русском употреблении, как и собственно русские названия.

При морфологическом освоении необходимо учитывать фактор «огромнейшего выравнивающего действия топонимической системы, подводящей к единообразию вновь осваиваемые иноязычные названия»³². Так, мансийскому северному *я* «река» соответствует в тавд., ниж-лозьев., ср-лозьев., пел., вагильск. *je*. Однако на территории всех указанных диалектов в русских топонимах мансийского происхождения, включающих детерминатив, восходящий к приведенному слову, при полевом сборе засвидетельствована форма *-я* (*ja*), исключая единственное название на Пелыме, у которого (при более употребительной форме с *-я*) имеется вариант с *-е*: Ковытья=Ковыте. Вместе с тем информант, от которого была записана форма с *-е*, изменяет название в соответствии со склонением на *'а* (родит. пад. Ковыти), что может свидетельствовать о тенденции к закреплению и этого названия в форме с *ja*.

Интересно, что еще на карте Тобольской губернии, датированной 1913 г. (ГАТО ф. 49, оп. I, д. 42), многие топонимы на исследуемой территории в районе Пелыма и средней Тавды приведены в формах с *-е*: Колысье, Котылье, Талымье и др. Однако в настоящее время трудно установить, насколько живыми были эти формы в русском устном употреблении. Как отмечает И. А. Воробьева, «тенденция замены нерусских гласных звуком *-а* — это объективная закономерность, вызванная к жизни воздействием русской топонимической системы»³³.

Названия с исходом *-я* (*ja*) могут восприниматься русскими как прилагательные (ср. русск. божья, дурья, рабья): р. Келья ~ оз. Келье ~ озера Кельи, р. Ибья ~ оз. Ибий Урай, р. Турья ~ оз. Турье. В большинстве случаев, однако, они относятся рус-

³² И. А. Воробьева. Некоторые замечания о русской адаптации иноязычных гидронимов Сибири в XVIII веке.— В сб.: Вопросы лингвистики. Томск, 1966, с. 104.

³³ И. А. Воробьева. Некоторые замечания о русской адаптации иноязычных гидронимов Сибири в XVIII веке, с. 104.

скими к системе существительного: Екуя~ (родит. пад.) Екуи. Топонимы с эллиптированным номенклатурным термином, а также географические термины в самостоятельном топонимическом употреблении часто приобретают русский формант, обычно -а или -ка: Майда, Нюрма, Сарча, Ахинка, Печерка, Путумка. Причинами появления русских формантов у иноязычных по происхождению топонимов могут быть:

1) выравнивающее воздействие русской топонимической системы, о чем уже упоминалось;

2) противоречие между грамматическим родом топонима и номенклатурного термина. Дело в том, что если грамматический род топонима и номенклатурного термина не совпадает, то создается предпосылка для переработки исхода названия в соответствии с родом термина;

3) нехарактерность исхода формы названия, полученной в результате фонетической адаптации, для русской топонимии. Если на конце слова, например, оказывается группа согласных, не характерная для русского языка, после нее появляется русский -а. Так, по данным обратного словаря для русского языка не характерен исход -гр (зафиксированы только онагр, негр, тигр, венгр, ингр) (ОС. 497), -мл/-мб (дифирамб, штамб, лимб, нимб, апломб, ромб, тромб, румб, ямб, хориямб, вамп, эстамп, штамп, темп, тромп) (ОС. 114—115, 494); -рч (карч, харч, смерч) (ОС. 546) и др. Соответственно топонимы, оканчивающиеся на эти группы звуков, приобретают формант -а: Агра (ср. манс. *агр* «водоворот»), Тумпа (ср. манс. *тумп* «остров, отдельная гора»), Сарча (ср. манс. *соарш* «болото»).

Несколько особняком стоят топонимы с исходом -ина, -ино: Воробина, Тарина, Шольчина, Каранино. В этом случае комплекс -ин- может восходить как к мансийским данным (суффикс имен обладания -инг), так и к русским (в связи с морфологической аналогией): ср. на исследуемой территории р. Афонина, р. Ванькина и др.

Особого рассмотрения заслуживает небольшая группа названий с конечными -ов, -ова, -ово (Колемов, Кысяров, Лёманова, Леманово, Лёмово и др.). Топонимы с этими формантами могли появиться как в результате морфологической аналогии на русской почве (ср. на исследуемой территории р. Берёзова³⁴, руч. Соснов, оз. Осиново и др.), так и при русском употреблении заимствованных нарицательных апеллятивов: например, название р. Пошевая (Пошова) восходит к русскому употреблению заимствованного из мансийского *пош* (~манс. *пош*) «рыболовная ловушка» (см. ФУЗ. 69—70). Однако при рассмотрении отдельных топонимов далеко не всегда возможно разделить эти два случая. Так, по

³⁴ В местных русских говорах очень часто встречается явление выпадения *j* в окончаниях прилагательных женского и среднего рода между гласными с последующим стяжением гласных.

отношению к названиям Лёмово, Лемантово трудно сказать, произошло ли здесь переоформление мансийских по происхождению топонимов при помощи русских формантов, или же имеет место русское употребление заимствованного слова, которое позднее было утрачено (ср. манс. пел. *l'em* (Капп. Vok. 98) — «черемуха», сев-вагильск. *l'emanta* (Капп. Vok. 104) — «черемуховое дерево»).

Кроме того, необходимо учитывать, что при помощи указанных формантов могут быть образованы названия от антропонимических основ: ср. русск. оз. Абрамово, лог Иванов, р. Наумова и др. Поэтому при этимологической интерпретации подобных названий следует учитывать все названные факторы.

Иногда русские форманты могут присоединяться непосредственно к полной форме топонима: р. Торомшоша (<*Торомшош) — появление русского форманта было обусловлено несоответствием в роде между номенклатурным термином и топонимом. Эти топонимы в принципе следует отличать от названий, возникших в результате словообразования, связанного с метонимическим переносом на русской почве: д. Нихвор ~ р. Нихворка, оз. Синтур ~ р. Синтурка. Практически, однако, это далеко не всегда удается сделать, так как трудно учесть процессы метонимии, которые могли иметь место на мансийской почве.

Определенный интерес при исследовании русской топонимии мансийского происхождения представляют оттопонимические образования, обозначающие обычно смежные объекты на основе метонимического переноса. Дело в том, что исходное название в силу различных причин иногда исчезает из употребления, однако в некоторых случаях оно может быть восстановлено исходя из формы образованного от него вторичного названия, которое может называть реалию, обозначавшуюся исходным топонимом (например, на основе обратного метонимического переноса: ср. руч. *Овршош → д. Оврушова → руч. Оврушовский), так и смежный объект (бол. Келинское на нижней Лозье, хотя реки с названием Келья в этом месте не засвидетельствовано). Далее приводятся основные способы словообразования русских топонимов мансийского происхождения:

а) суффиксальный

-ин³⁵: р. Агра ~ мыс Агрин, р. Попоя ~ мыс Попоин.

-ск- (-инск-, -овск-): оз. Попутор = Попуторское, р. Шольчина ~ яр Шольчинский, р. Шинья ~ бол. Шиньинское, р. Турья ~ бол. Туринское, р. Това ~ озера Товинские, р. Кульма ~ оз. Кульминское, р. Чёш ~ старица Чёшовская и др.

-ишн- (<-ичн-), -ешн- (<-ечн-), -ошн- (<-очн-): р. Кульма ~ мыс Кульмишный ~ бол. Кульмичное, бол. Янга ~ р. Янгошный Падун, руч. Чёш ~ руч. Чёчешный Исток.

³⁵ О двойственной природе форманта -ин- в ряде названий см. с. 27.

-н-: оз. Урай мыс Урайный

-к(а), -овк(а): д. Петим ~ р. Петимка, оз. Синтур ~ р. Синтурка, д. Ошмарья ~ р. Ошмарка, д. Линты ~ р. Линтовка.

Здесь не приводятся словообразовательные морфемы, используемые при образовании топонимов русскими от заимствованных из мансийского языка апеллятивов (*пошвор* «мелкий сосняк на болоте» ~ оз. Пошворное; *пош* «рыболовная ловушка» ~ р. Пошевая и др.), так как они уже были описаны А. К. Матвеевым (см. ФУЗ.).

б) префиксальный и префиксально-суффиксальный способы.

Эти способы словообразования представлены на исследуемой территории единичными названиями: ур. Межпелымок (урочище находится в месте, где Пелым (местные русские жители зовут его Пелымка) раздваивается на Большой и Малый) ~ род. пад. Межпелымка; ур. Подъянга (урочище находится рядом с бол. Янга) и некоторые другие.

Народная этимология

Все географические названия, усвоенные русскими от иноязычного местного населения, подвергаются фонетической и морфологической переработке в соответствии с законами русского языка. Эти изменения носят в целом закономерный характер и могут быть учтены при этимологизации топонимов. Существует, однако, ряд географических названий, претерпевших изменения в своей форме, подчас необъяснимые только в рамках фонетико-морфологической переработки. В первую очередь сюда надо отнести топонимы, подвергшиеся народной этимологии.

В результате народной этимологии топоним перестает быть семантически изолированным в заимствующем языке. Он начинает восприниматься как член того лексико-семантического гнезда, к которому относится сближаемое с ним слово. Применительно к исследуемому материалу это означает, что мансийские по происхождению топонимы на базе внешнего сходства с определенными русскими словами приобретают родственную последним внутреннюю форму. При этом надо учесть, что субституция и грамматическая аналогия приводят к тому, что внешний облик любого из заимствованных топонимов мало чем отличается от русских слов. С приобретением же внутренней формы указанные названия становятся вообще трудно отличимыми в общей массе русских географических названий.

Так как при изучении топонимии субстратного происхождения важен каждый факт, который может быть использован для восстановления хотя бы в общих чертах прежней системы наименований, представляется важной выработка критериев, позволяющих распознавать географические названия мансийского происхождения в общей массе русских топонимов.

Задача данного раздела — показать особенности проявления народной этимологии в русской топонимии мансийского происхождения на исследуемой территории, а также попытаться установить некоторые способы и критерии, которые можно использовать для выявления соответствующего круга географических названий.

Прежде всего необходимо отметить, что слова, испытавшие воздействие народной этимологии, претерпевают в своей форме неодинаковые изменения. Так, А. К. Матвеев выделяет в этом плане две группы: а) слова с «реализованной» народной этимологией, т. е. претерпевшие семасиологическую ассимиляцию с одновременным изменением в звуковой форме слова, и б) слова с «осознаваемой» народной этимологией, т. е. испытавшие только семасиологическую ассимиляцию (см. ФУЗ. 76).

В зависимости от характера изменений в форме топонима, связанных с воздействием народной этимологии, можно выделить следующие типы.

а. Топонимы с «нереализованной» («осознаваемой») народной этимологией.

Для этой группы названий изменения в звуковой форме сводятся к субституции соответствующих мансийских звуков. В плане семантики происходит сближение с теми русскими словами, с которыми основы топонимов совпали или близки по звучанию. На нерусское происхождение названий этого типа может указывать ряд факторов, из которых прежде всего следует назвать семантику.

Исходя из положения об избирательности лексики, которая может быть положена в основу при назывании географических объектов³⁶, необходимо отметить, что в результате переосмысления названия часто приобретают семантику, выходящую из обычного круга значений, характерных для собственно русской топонимии данной территории: р. Воря (ср. русск. *вор*³⁷ и манс. *вор* «лес»), р. Келья (ср. русск. *келья* и манс. *кельг* «болото»), р. Росья (ср. русск. *роса* и манс. *рось* «песчаный берег, мыс, луг»), оз. Туман (ср. русск. *туман* и манс. *туман* «большое проточное озеро»).

Топонимы с «экстравагантной» семантикой в принципе возможны как исключение. Однако сравнительно частая повторяемость приведенных названий (так, нам известно около десятка рек с названием Воря, шесть — с названием Келья и т. д.) опровергает тезис об их исключительности. Вместе с тем наличие

³⁶ См.: А. К. Матвеев. Значение принципа семантической мотивированности для этимологизации субстратных топонимов. — В сб.: Этимология 1967. М., 1969, с. 192.

³⁷ Приводятся значения, которые были записаны от информантов, когда им задавался вопрос, что значит то или иное название.

аналогичных названий на территории современного расселения манси заставляет искать их происхождение в мансийском языке.

На нерусское происхождение названий этого типа могут отчасти указывать и грамматические данные. Существенной в этом плане является нетипичность словообразовательных средств. Так, в целом для русского языка не характерны прилагательные с суффиксом *j* для вор, роса, уха. Однако грамматический критерий в данном случае может выполнять лишь вспомогательную роль, так как говоры менее нормированы, а иногда подобные образования возможны и в литературном языке (ср. бабья, дурья).

Необходимо отметить, что топонимы рассматриваемого типа как правило в каждом отдельном случае не имеют вариантов в устном употреблении. Устойчивое звуковое оформление в русском языке для этих названий формируется, очевидно, легче и быстрее, чем для топонимов других разрядов.

б. Топонимы с «нереализованной» народной этимологией, испытывавшие воздействие грамматической аналогии.

Для названий данного типа по сравнению с предшествующим изменению в форме более значительны и заключаются в субституции мансийских звуков, сочетающейся с действием грамматической аналогии. Последняя проявляется как правило в оформлении топонимов аффиксами, характерными для русского языка.

При выявлении наименований, отражающих этот тип народной этимологии, также важное значение имеет семантический критерий. Например, семантически немотивированными в кругу русских названий на исследуемой территории могут считаться следующие топонимы: ур. Керасинские Ребра (ср. русск. *керосин* и манс. *керасынг* «скалистый»), оз. Парта (ср. русск. *парта* и манс. *парт* «доска»), р. Посолка (ср. русск. *посол* и манс. *посал* «протока»), покос Уйма (ср. русск. *уйма* (много) и манс. *ujim* (Szil. 429) — «береговая возвышенность»).

Применение грамматического критерия в данном случае почти ничего не дает, так как в результате действия грамматической аналогии морфологическая структура мансийских по происхождению топонимов ничем не отличается от морфологической структуры собственно русских названий.

Ввиду недостаточности семантического и грамматического критериев особую важность приобретает привлечение вариантов, имеющих в устном употреблении, а также сопоставление с внешне сходными топонимами. Так, название оз. Сосна́ может быть со значительной долей уверенности отнесено по происхождению к мансийскому языку при сопоставлении с топонимами ур. Сосна и оз. Сосенурай (Сосноурай), которые, очевидно, отражают этап, предшествовавший народной этимологизации: манс. * *сосынг* (ручьевой) > *Сосен* > *Сосно* > *Сосна* > *Сосна́*. Тожество основ отчасти подтверждается и относительной территориальной

близостью реалий, обозначаемых сопоставляемыми топонимами. Приведем еще пример: название д. Осинская (ср. русск. осина) при обращении к варианту Осьина сопоставляется с Осья (д. Осинская расположена на берегу р. Осья).

в. Топонимы с «реализованной» народной этимологией.

В этой группе степень изменения в форме слов наибольшая, так как кроме субституции и грамматической аналогии могут иметь место изменения в основе, которые не укладываются в рамки фонетических законов. Достаточно общего звукового сходства (порой весьма отдаленного) названия с определенным словом русского языка для того, чтобы их сблизить и на этом основании «исправить» форму топонима.

Как и для двух предшествующих выделенных разрядов, значительное место при выявлении рассматриваемых топонимов занимает семантический критерий. Так, иноязычное происхождение на основании критерия семантической мотивированности можно предполагать для следующих названий: ур. Шемель-Ваня (ср. русск. *Ваня* и манс. *сэмыл* «черный», *ваныг* (Szil. 435) — «лесная возвышенность»), р. Лампочка (ср. русск. *лампочка* и манс. пел. *ламвючп-е* (Капп. 79) — «мутноводная река»), р. Небо-Шош (ср. русск. *небо* и манс. *няп* «тенок лося»).

Использование грамматического критерия также может иногда помочь выявлению этого круга названий, однако полученные результаты необходимо подкреплять другими данными. Так, словообразовательную структуру названия р. Лыванья (в местных говорах *лыва* «лужа») очень трудно объяснить на базе русского языка. При сопоставлении же с мансийскими данными, привлекаемыми с учетом имеющихся в устном употреблении вариантов (Лиганья. Лиинья и др), можно получить достаточно убедительную этимологию (ср. манс. *lin*, *liin*, *ligin* (Ahlqv. 25) — «белка»).

Как уже указывалось, этап, предшествующий переосмыслению семантики топонима, может получить отражение в наименовании других объектов. Так, название оз. Поговор, имеющее для русской топонимии несколько необычную семантику, может быть сопоставлено с засвидетельствованным также в пределах исследуемой территории топонимом Покувор (ср. манс. *poakv-or* (Ahlqv. 42) — «кедровый лес»); название оз. Тумба (ср. русск. *тумба*) при наличии в апеллятивной лексике, а также в самостоятельном топонимическом употреблении заимствования «тумпа» (ср. манс. *тумп* «остров, отдельная гора») также может быть отнесено по происхождению к мансийскому языку.

Таким образом, при выявлении названий, испытавших воздействие народной этимологии, возможно использование ряда критериев. Однако убедительные результаты можно получить лишь в том случае, если есть возможность их комплексного применения.